

Механизмы крушения государств (макросоциологический подход)

Дмитрий Шевский

Магистр философии, Дальневосточный федеральный университет
Адрес: ул. Суханова, д. 8, г. Владивосток, Российская Федерация 690950
E-mail: shevskiyd@mail.ru

В статье рассматриваются возможности применения макросоциологии к анализу закономерностей распада государств. Показано, что конечной точкой распада является полная делегитимация власти и режима в целом. Один из важнейших факторов этого процесса — наличие сильного конфликта элит, который блокирует возможности их коалиции для подавления массового недовольства. Конфликт элит, вызываемый нехваткой как символических, так и материальных ресурсов, имеет своим истоком два различных обстоятельства. Первое было определено как геополитическое напряжение государства, когда оно вынуждено тратить значительную часть ресурсов на охрану и поддержание порядка на своих территориях и для захвата новых, второй — как «деградация» и перепроизводство элит. Для наглядной демонстрации этих процессов рассмотрены конкретные исторические примеры (Новое царство Древнего Египта и Кхмерская империя). Ответ на причины расхождения в динамике автор видит в различиях в политической организации, когда элиты либо жестко контролируются государством, либо способны ему противостоять. Предполагаемые ответы на причины разных типов институционального положения элиты связаны с уровнем бюрократической развитости государства и доминирующим типом вооружения.

Ключевые слова: историческая макросоциология, коллапс государств, делегитимация власти, конфликт элит, геополитические теории, теория элит

Одной из важнейших тем современной социогуманитарной науки, исследующей макропроцессы, является динамика исторического процесса. Как происходит образование государств, империй, цивилизаций, что способствует их росту, что ослабляет их, но, пожалуй, один из самых главных вопросов: почему и как распадаются такие крупные образования?

После распада СССР многих интересует: не постигнет ли Россию судьба предшественника? Можно ли было сохранить Союз? Насколько его распад был закономерен? Актуальности теме распада государств придают события, происходящие с 2011 года на Ближнем Востоке и с 2014 года в Украине.

Постараемся очертить закономерности процесса распада государств: на каких уровнях социальной действительности он проходит? Как эти уровни связаны между собой? Возможно ли выделить какие-либо закономерности в этом процессе? Наиболее релевантной для наших целей является историческая макросоциоло-

логия¹ — «междисциплинарная область исследований, в которой посредством объективных методов социальных наук изучаются механизмы и закономерности крупных и долговременных исторических процессов и явлений, таких как происхождение, динамика, трансформации, взаимодействие, гибель обществ, государств, мировых систем и цивилизаций» (Розов, 2010: 151).

Предпосылкам крушения макрообщностей посвящено большое количество работ (см., напр.: Даймонд, 2008; Нефедов, 2008б; Турчин, 2010; Kennedy, 1987; Skocpol, 1979; Tainter, 1988 и многие другие), однако не менее значим вопрос о путях крушения, его непосредственных причинах. Предварительно необходимо определить признаки, характеризующие распад (коллапс) государства. Исследователи выделяют следующие характеристики: уменьшение уровня стратификации и социальной дифференциации, снижение экономической и профессиональной специализации, уменьшение централизованного контроля и организации, снижение уровня редистрибуции (распределения) ресурсов, потеря территории и др. (Tainter, 1988: 4). К этому списку необходимо добавить отказ от предшествующей идеологии (Schwartz, 2006: 6). Идеология является последним бастионом на пути крушения государства — пока существующие порядки признаются легитимными, система не сможет быть изменена значительно².

Соответственно, последним процессом, пиком крушения государства является делегитимация существующих порядков и идеологии в том числе. Но что такое легитимность власти и ее делегитимация? Известный американский макросоциолог Г. Дерлугьян дает такое определение: легитимность — это «способность править без эксцессов, в пределах даже низкой нормы потребления и есть наиболее элементарная форма легитимности власти», правда, замечает, что это ближе к аграрным государствам (Дерлугьян, 2010: 82). Французский ученый, специалист в области сравнительной политологии, М. Доган, разбирая сущность легитимности, отмечает: «Нельзя утверждать, что режим является легитимным только потому, что он открыто не оспаривается», ведь выражение недовольства можно жестко подавить силой, так что определение Дерлугьяна нельзя применить даже для аграрных государств. Доган дает следующее определение: «Если граждане убеждены, что существующие в стране институты являются оправданными, то они рассматриваются как легитимные» (Доган, 1994: 147). Н. С. Розов пишет, что «смысл легитимности — это признание законности власти, признание ее права управлять на подведомственной территории...» (Розов, 2014: 91). Определение схоже с определением Догана, однако, как нам кажется, признание права управления не есть признание права использовать все рычаги власти: иногда делегитимация и усугубляется невозможностью использования всех законных средств при неоспоримости самого права руководства.

---

1. Более подробно об истории и целях этой науки см.: Лахман, 2014; Розов, 2009; Smith, 1991 и др.

2. Даже при захвате государства иностранными интервентами идеология будет давать обоснование для борьбы с ними.

Идеология представляет собой в этом контексте тот самый дискурс «лояльности и признания законности власти». Для более полной картины значимости идеологии как таковой (не все это признают, см. напр.: Goldstone, 1991: 27) стоит остановиться на ее роли в государственности более подробно.

Традиционно, выделяя разнообразие формы политий³, используют два измерения социальной действительности (особенно это выражено у современных марксистов): экономика и политика. Под экономикой мы здесь понимаем традиционное разграничение на типы собственности частная/государственная⁴, а под политикой: централизованная/децентрализованная формы управления. В итоге можно составить такую таблицу:

	Экономика	Доминирование государственных форм собственности	Доминирование частных форм собственности
Политика			
Централизованная политическая система		Азиатский способ производства	Европейские империи Нового времени
Децентрализованная политическая система		Вассальная система (напр., Западное Чжоу)	Конфедерация (напр., современная Швейцария)

Под вассалитетом мы предлагаем понимать только политический аспект управления государством, а под феодализмом весь социально-экономико-политический комплекс, который был в Европе в Средние века.

Но если мы рассмотрим политически децентрализованные политии, сохранив бинарное экономическое измерение, и добавим идеологическое измерение по признаку наличия/отсутствия общепризнанной идеологии, то получим примерно следующее:

	Экономика	Доминирование государственных форм собственности	Доминирование частных форм собственности
Общепризнанная идеология			
Присутствует		Мегаобщина (напр., Бенин)	Мультиполития (напр., Йеменская Саба)
Отсутствует		Феодализм	—

Некоторые пояснения: «мегаобщина» — термин, введенный отечественным политантропологом Д. М. Бондаренко для характеристики африканского государства⁵ Бенина в Новое время (Бондаренко, 2002: 125). Дело в том, что центральная

3. В современной науке активно используется термин «полития» для обозначения любых форм политической организации, включая и государство (см, например: Крадин и др., 2000; Бочаров, 2007; Гринин и др., 2006 и многие другие).

4. Для удобства мы обозначили все виды нечастных форм собственности как государственные, но в нее входят и другие формы, как, например, храмовое хозяйство в Шумерской Месопотамии.

5. Или его аналога — об этом ведутся споры.

власть не проникла глубоко в социальные отношения, и общины, по сути, оставались локальными, доминировали родовые связи, но стабильность сохранялась благодаря сакрализации верховного правителя правящей династии Оба (Бондаренко, 2002, 2005).

«Мультиполития» — термин, который предложил также отечественный историк А. В. Коротаев в процессе изучения политических образований Йемена до захвата его арабами. Мультиполития — это «высокоинтегрированная система, состоящая из разнородных политий» (Коротаев, 2002: 221). Нетипичность динамики Сабы (именно эта полития была в центре внимания Коротаева) заключалась в том, что государственность там распалась на вожества, которые позже превратились и вовсе в племена. Однако такое упрощение политической структуры сопровождалось ростом экономических и культурных связей, включая даже относительно развитую законодательную систему, благодаря наличию единой идеологии (Коротаев, 1993, 2002).

Опираясь на вышесказанное, нам кажется очевидным, что роль идеологии должна учитываться отдельно, что, как упоминалось, не всегда происходит в современной социогуманитарной науке.

Исходя из понимания, что идеология является легитимизирующим дискурсом власти, остановимся на понятии делегитимации.

Итак, делегитимация — «это... условие, которое преобладает, когда деятели политической элиты разделены и нерешительны, тогда как массы переходят от отчужденного недовольства и нелояльности к оппозиционным действиям» (Коллинз, 2000: 241).

Делегитимацию вызывает множество факторов, главным из которых является относительная депривация — «обманутые ожидания» (Davis, 1962). Но самих по себе обманутых ожиданий недостаточно для крушения режима (и/или государства), здесь не менее важен фактор единства/раскола элит. Если элиты смогут объединиться против недовольных или бунтующие не найдут поддержки среди хотя бы части элиты, то восстание будет подавлено, как это было показано известным историческим социологом Р. Лахманом на примере восстания Чомпи в 1378 году, в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году (Lachmann, 1997). Очевидно, что для успешности крушения существующей системы необходим раскол и поляризация элит (Голдстоун, 2006: 72; Goldstone, 1991: 10, 383).

Еще один важный аспект значимости конфликта элит заключается в том, что в некоторых типах политических режимов, построенных на авторитете и единстве верховной власти, конфликт элит может сам стать фактором делегитимации, что обнаруживается с древнейших письменно зафиксированных времен — начиная с Древнего Египта и заканчивая СССР.

Так, например, в Египте на исходе Древнего царства (2686–2160 гг. до н. э.) в результате распада страны на две части, появления «параллельных» фараонов, которые до того были предельно сакрализованы, произошли изменения в религиозных верованиях. Прекратилось связывание загробной жизни с благодатью

фараона, его статус в последующей жизни был даже приравнен к обычным людям (Ладынин, 2005: 73-74) и более того, ритуальные формулы на гробницах, которые ранее были доступны только представителям царского рода, стали общедоступными (Moreno García, 2015: 86). Конечно, связывать это только с расколом правящего аппарата не совсем корректно, учитывая экосоциальный кризис (Прусаков, 2000: 91)⁶, однако, возможно, такой сильной делегитимации не было бы, если бы существовал один фараон, контролирующий все земли Египта.

Раскол среди правящей элиты закономерно вызывает недоверие среди подчиненных, а потому в случае угрозы извне население может не поддержать того или иного правителя или поддержать в недостаточной мере. Именно этим «первый историограф» Н. М. Карамзин объясняет причины поражения русских княжеств от нашествия монголов⁷ (Карамзин, 1991: 19).

Папство в Средние века при всем своем моральном несовершенстве демонстрировало колоссальный авторитет — достаточно вспомнить Генриха IV, могущественного германского императора, который несколько дней стоял перед крепостью в Каноссе, выпрашивая прощение у папы Григория Великого, или Иоанна Безземельного, короля Англии, который по воле папы лишился своих земель. Однако позже, еще до начала реформации, авторитет папства резко упал. Одной из причин этого стало появление на престоле сразу трех пап (1409 г.). Даже марксистские историки, описывая «...времена церковного раскола, столь подорвавшего убеждение средневекового человека в святости наместника Бога на земле», вынуждены отметить, что «деморализованное папство, восстанавливая против себя даже фанатически верующих и представителей низшего духовенства, расшатывало самые основы общества» (Лозинский, 1986: 197, 188).

И в XX веке можно обнаружить те же тенденции, например в СССР: после XX съезда КПСС, на котором был обозначен курс на отказ от предшествующей политики, можно утверждать, что был четко выражен конфликт элит. Грузия сразу отказалась принимать эти решения, что вылилось в достаточно массовые и кровавые столкновения с властью, сопровождавшиеся даже требованиями выхода из состава СССР (Козлов, 2009: гл. 7). Менее заметно проходили расколы в 1957 году и отстранение Н. С. Хрущева в 1964 году, но все это явно не способствовало возрастанию авторитета власти. Пиком делегитимации власти в СССР в результате внутриэлитного конфликта стал Съезд народных депутатов в 1989 году, когда четко обозначились как минимум три враждующих лагеря: консервативный (большой частью представляющий силовые структуры), либеральный (возглавляемый

---

6. Здесь следует сделать одно важное замечание: не все историки признают, что в распаде Древнего царства и последующем переходном периоде виноват экологический кризис, так как не находятся подтверждения значительного ухудшения жизни простого населения, более того, археология свидетельствует о росте богатства, что косвенно подтверждает роль делегитимации власти в процессе коллапса (см. подробнее: Moreno García, 2015).

7. Но сводить причины поражения только к расколу элит тоже не совсем корректно, так как монгольское оружие, в частности лук, значительно превосходил все известные к тому времени аналоги и в силу сложности обращения с ним не мог быть с легкостью заимствован (Нефедов, 2008а).

разнородными элементами) и «центральной» (горбачевская команда), и советский режим прекратил свое существование. Применительно к СССР нужно отметить, что однопартийные режимы, существующие изначально с возникновением государства (Мексика или СССР), могут оказаться не в состоянии пережить соперничество элит (Харитоновна, 2012: 13).

Возникает закономерный вопрос: а почему происходит конфликт элит? Ответ очевиден: острая борьба за властные позиции в политической иерархии вызвана стремлением к получению дополнительных ресурсов, как символических, так и материальных. Но в истории есть продолжительнейшие периоды, когда существенных внутриэлитных столкновений не происходит или они носят не критический для стабильности характер. Потому необходимо понять, что вызывает недостаточность ресурсов в определенные периоды. Причин нехватки ресурсов можно выделить две — экзогенную и эндогенную.

Под экзогенной причиной мы понимаем геополитическое перенапряжение, которое уже достаточно проанализировано в мировой макросоциологии (см., напр.: Kennedy, 1987; Skocpol, 1979). Но наиболее комплексно, на наш взгляд, последствия геополитического перенапряжения сформулированы в теории Р. Коллинза (Коллинз, 2000).

На основе веберовского понятия государства (монополия на легальное насилие) выводятся геополитические принципы, суть которых сводится к следующему: государство, находясь на территориальной либо социальной окраине, имеет меньше фронтов для ведения войн, что способствует возможности сосредоточения ресурсов для более эффективного захвата определенных территорий. Но в связи с расширением государство теряет свое окраинное преимущество и вынуждено тратить все большее количество ресурсов на охрану своих территорий. Более того, расширение может пройти ту точку, когда ресурсы от вновь присоединенных земель становятся недостаточными для поддержания существующего порядка. Усугубить положение может даже незначительная война, которая окончательно перенапрягает силы государства — «чрезмерное расширение ведет к ресурсному напряжению и государственной дезинтеграции» (Коллинз, 2000: 241). Сам механизм распада Коллинз видит в потере легитимности власти, что, как считает автор, является дополнением к другим моделям распада государств (Там же: 249). Распад государства в этой теории представляет собой петлю обратной связи: геополитическое перенапряжение вызывает нехватку ресурсов, в результате чего начинается элитный конфликт за эти ресурсы, который в итоге усугубляет фискальный кризис. Происходит «мобилизация оппозиционных классовых сил снизу» в поддержку одной из элит, и государство прекращает свое существование в прежнем виде⁸.

В современной науке имеется и критика данной теории (Евангелиста, 2002; Турчин, 2010: гл. 2). М. Евангелиста оспаривает тезис Коллинза о том, что пагуб-

---

8. Многие в этой теории взяты из «структурно-демографической теории», о которой см. ниже.

ную роль сыграло чрезмерное перевооружение, так как было атомное оружие и, соответственно, реальной угрозы не существовало. Трудно согласиться с Евангелистой, и вряд ли СССР смог бы использовать столь серьезное оружие. В целом убедительна его критика о том, что не только одна война играет главную роль в подрыве авторитета власти, однако Коллинз акцентирует внимание не на войне, а на более комплексной делегитимации.

П. Турчин, основываясь на математическом моделировании, утверждает, что при отказе от нерентабельных территорий экономическое благополучие возвращается, однако он не учитывает фактор потери престижа государством — делегитимацию (Турчин, 2010: 58–59), которую он разбирает отдельно; к тому же совсем не разбирается важный в теории Коллинза конфликт элит и т. д. Итак, первая, экзогенная, причина нехватки ресурсов, приводящая к конфликту элит, — это геополитическое перенапряжение.

Эндогенная причина — это «деградация» правящего класса — процесс, который описан множеством исследователей. В современной макросоциологии эту причину ставит во главу угла «структурно-демографическая теория». Построенная на идеях классического мальтузианства о перенаселенности как главном факторе нестабильности, данная теория анализирует корреляцию между фактором перенаселенности и действиями элит. Рост населения ведет к малоземелью в сельской местности, а миграции в города для разрешения этой проблемы — к падению реальной заработной платы из-за роста незанятой рабочей силы. Соответственно, вызванная инфляция уменьшает поступления в казну, вынуждая государства увеличивать налогообложение, что вызывает недовольство как среди простого населения, так и среди элиты (Goldstone, 1991: 24–25, 459). Более того, численность элиты также увеличивается, дополнительно усиливая нагрузку на государственный бюджет из-за необходимости ее содержать. Это вызывает раскол и борьбу среди элит за убывающие ресурсы и одновременно усиливает эксплуатацию низших слоев населения (Goldstone, 1991: 459–460)⁹.

---

9. Дж. Голдстоун разработал эту теорию на примере «общего кризиса середины семнадцатого века», когда не было политической стабильности практически во всех регионах Афроевразии. Но есть и другая трактовка, предложенная Д. Паркером, которая ставит во главу угла климатические изменения (Parker, 2013). Не отрицая значимость фактора перенаселенности (Parker, 2013: 23, 56), он указывает, что низкие урожаи (из-за засух, наводнений или резких похолоданий, особенно усилившихся в середине XVII века) оставляли крестьян не только без продуктов питания, но и без основного источника доходов (продажа излишков урожая), что уже, в свою очередь, приводило к последствиям, ранее описанными Голдстоуном. Для нас дебаты о причинах как кризиса XVII века, так и в целом политических кризисов не являются главенствующими в данном исследовании, однако отметим, что даже если признать «антиномотетическую» точку зрения Паркера, то это не отменяет и не замещает два упомянутых фактора причин нехватки ресурсов для элиты. Геополитическое перенапряжение и перепроизводство элит являются тем фундаментом, на который уже накладываются климатические изменения (ведь в отсутствие выделенных нами факторов элита имеет возможность найти выход в преодолении экологического кризиса, как это произошло в ранее упомянутой Сабе). Более того, кризис в различных регионах имел разные последствия (опять же не в отсутствие элит), что явно говорит о том, что климатические изменения не носили фатальный характер в крушении государственности (Parker, 2013: 590).

Многие представители данного подхода отмечают, что это напоминает «концепт асабии Ибн Хальдуна», который сейчас достаточно популярен как в отечественной науке (см. напр.: Коротаев, 2006; Нефедов, 2008б; Розов, 2006; Цирель, 2008), так и в зарубежной (см., напр.: Турчин, 2010; Anderson, Chase-Dunn, 2005).

Что же понимается под понятием «асабия»? Разные исследователи трактуют данное понятие по-разному, поэтому стоит остановиться на этом подробнее. Н. С. Розов склоняется к определению, что это есть «воинственная сплоченность» (Розов, 2006), Коротаев говорит о «коллективной солидарности» (Коротаев, 2006). Турчин дал иной перевод — «способность к коллективному действию» (Турчин, 2010: 89). Остановимся на среднем — коллективная солидарность. Есть несколько переводов важной с социологической точки зрения частей работы Хальдуна, из них наиболее доступны два: А. В. Смирнова (Ибн Халдун, 2008) и А. В. Коротаева (Коротаев, 2006). Учитывая, что перевод Коротаева сознательно адаптирован под современную социологическую науку, в изложении теории будем пользоваться им.

Суть теории заключается в том, что некая группа захватывает власть, у этой группы высок уровень асабии (коллективной солидарности), что и обеспечивает успех. Однако позже лидер этой группы, который ранее воспринимался как первый среди равных, решает удалить своих соратников и набирает людей из низов, которые непосредственно в захвате власти не участвовали. На примере СССР это выразилось в «ленинском призыве в партию» в 1924 году (набор новой элиты) и последующих широкомасштабных репрессиях (устранение старой элиты).

После смерти лидера элита не желает терять свои места и быть строго подконтрольной, а потому начинает подчинять себе в той или иной степени новых лидеров. Это наглядно видно, когда Хрущев попытался реорганизовать политическую систему и ввести ротацию кадров, чем вызвал сильное недовольство партийной элиты (Даниэлс, 2011: 338; Пихоя, 2000: 211). Элиты, испытав блага новой и спокойной жизни, начинают стремиться к роскоши, что также разлагает асабию.

Правительство, чувствуя свою слабость, начинает монументальное строительство и внешнеполитические акции с целью повышения своего авторитета. Если продолжить на примере СССР, то к этому периоду можно отнести правление Л. И. Брежнева — это попытки повернуть вспять сибирские реки, строительство БАМа, Олимпиада-80, переговоры об ОСВ и проч.

Все описанные явления происходят в течение нескольких поколений. Затем, в силу потери авторитета и контроля над налогами, правительство теряет реальную политическую власть, давая простор для борьбы элит.

Таким образом, концепт асабии Ибн Хальдуна оказывается тесно переплетен с перепроизводством элит в «структурно-демографической теории», где одним из ключевых аспектов государственного кризиса является недовольство существующими государственными институтами как со стороны элиты, так и со стороны населения (Goldstone, 1991: 8). Важно отметить, что иногда ресурсная недостаточность у элиты может быть вызвана не столько перенаселенностью и, соответственно, нехваткой пропитания для самого населения, сколько значительно опе-

режающим ростом самой элиты. Так, например, в средневековом Египте несущая способность земли была не на пределе, населения было не так много, урожаи были обильными, но происходила частая смена власти, сопровождавшаяся массовыми восстаниями. Как показал отечественный востоковед Коротаев, это было связано со все возрастающим количеством элиты и все большим стремлением к роскоши, что и привело к чрезмерному изъятию ресурсов у населения (Коротаев, 2006).

Итак, для анализа причин нехватки ресурсов мы имеем два подхода — акцентирующий внимание на внешних причинах (геополитика) и на внутренних («деградация» и перепроизводство элит). Описанные две динамики не противоречат друг другу, а даже наоборот, взаимодополняемы. Но все же в некоторых государствах превалирует либо один фактор, либо другой. Рассмотрим конкретные примеры. Исходя из того, что современные случаи крушения государственности большинству известны, мы считаем возможным для подтверждения взять исторические примеры. Рассмотрим кратко историю Кхмерской империи и Египта Нового царства.

Ангкорская (Кхмерская) империя (802–1431 гг.), испытывавшая сильное влияние Индии (Sedov, 1978; Stark, 2006), представляла собой достаточно противоречивое политическое образование. Несмотря на то что государство занималось постройкой ирригационных сооружений, унифицированных образовательных и медицинских учреждений в большом количестве (Ребрекова, 2002: 210; Дажан, 2009: 24), королевская власть оставалась ограниченной племенными и традиционными нормами (Sedov, 1978: 115). Низший уровень социально-экономической системы, который состоял из деревень, представлял собой не соседские, а родовые общины (Там же: 118). Однако Ангкорская империя представляла собой одну из крупнейших политий в истории (Turchin et al., 2006: 223), а потому остановимся на анализе ее политического развития подробнее.

Государственность здесь возникла, как и в большинстве случаев, посредством завоевательных войн (Ребрекова, 2002: 209; Sedov, 1978: 113). Однако возможно, ключевую роль в переносе столицы предшествующего периода (Фунань), с чего и начинается история Ангкорской империи, стоит связывать не столько с войнами, сколько с изменением торговых путей (Stark, 2006: 152). Торговля была настолько развита, что происходил обмен элитарными товарами даже с Римом (Там же: 151). Становление новой государственности при Джайявармане II в конце VII — начале VIII в. сопровождалось развитием идеологии сакрализации правителя (девараджа), что и сделало военное объединение страны возможным (Sedov, 1978: 113).

Традиционно концом Камбуджадеша считается захват тайскими отрядами столицы в 1431 году. Таким образом, Ангкор просуществовал в виде империи достаточно продолжительное время (с 802 г. — при короновании Джайявармана II до 1431 г.). Однако империя пала, и нам необходимо понять причины этого.

Рассмотрим факторы, приведшие к крушению государственности в средневековой Камбодже. Начнем с социально-политической структуры. Как уже отмечалось ранее, она была достаточно рыхлой, и исследователи определяют ее как «госу-

дарственно-патриархальную» (Тюрин, 1982: 206) или «патрон-клиентскую» (Stark, 2006: 162). Как отмечает Л. А. Седов, помимо царского клана, в империи большую политическую и религиозную роль играли так называемые варны — объединенные кланы, в которых доминировал наследственный принцип. Им выдавались земли, освобожденные от налогообложения (Sedov, 1978: 118). Это, естественно, не способствовало укреплению централизованной власти. Более того, происходило слияние крупноземельных собственников с управленческим аппаратом (Ребрекова, 2002: 209). Не меньшую роль в ослаблении государственности играл неопределенный принцип наследования власти. Так, например, переход трона от отца к сыну в 32 случаях происходил всего 9 раз (Sedov, 1978: 116). Также свою роль играла и религиозная борьба между индуистами и буддистами (Stark, 2006: 159). Все эти факты заставляют думать, что здесь имеется тенденция к политической динамике, описанной Ибн Хальдуном. Но мы считаем, что эта тенденция лишь ослабляла империю, в то время как ключевую роль сыграло геополитическое перенапряжение.

В 1177 году Ангор был завоеван Чампой, однако вскоре Ангор сумел отбить врага. В начале XIII века начались освободительные войны на периферии империи, а завоеванная Чампа добилась независимости, и все это сопровождалось нападением тайцев (Дажан, 2009: 25). В конце XIII века практически все военные силы были оттянуты на восток для борьбы с монголами, чем опять же не упустили возможности воспользоваться периферийные нехмерские районы (Ребрекова, 2002: 577). Такое геополитическое напряжение сопровождалось религиозной борьбой (возможно, как раз за контроль над ресурсами). Еще нужно учесть, что, скорее всего, не было эффективных механизмов изъятия ресурсов из регионов (Stark, 2006: 160), в том числе и для снабжения армии, это и позволило тайцам добить ослабевшую империю.

В рассмотренной нами империи наблюдались тенденции как к хальдуновской динамике, так и к геополитическому перенапряжению. Однако учитывая экспансионистскую политику кхмерской государственности, иногда достаточно успешную¹⁰, мы склонны считать, что государственность пала по экзогенной причине, а именно от перманентной военной борьбы на всех фронтах.

Второй пример — Египет Нового царства, традиционно датируемый 1550–1069 гг. до н. э.

Стоит обратить внимание на военно-технологический фактор, который в значительной мере определяет положение элит в государстве. После нашествия гиксосов Древний Египет перенял форму вооружения захватчиков, в частности колесницы (Головина, 2011: 119; Нефедов, 2008б: 131). Дороговизна такого мощного по тем временам вооружения означала, что позволить себе колесницы могла только знать. Однако доминирование элиты в политической системе не реализовалось

---

10. Как это было в случае с захватом грозного врага — Чампы.

благодаря тому, что только центральное правительство обеспечивало войско лошаадьми (которые в сельском хозяйстве не использовались).

Учитывая, что при централизации старая знать будет оказывать сильное сопротивление, особенно храмово-жреческий комплекс, который сильно сросся с родовой знатью, фараоны Нового царства решили рекрутировать войска из крестьян. Тем самым назревал конфликт между новой и старой служилой знатью, который достиг своего апогея в период правления Аменхотепа IV. Он решил ослабить старое жречество посредством введения нового религиозного культа, однако эта попытка не увенчалась должным успехом. После смерти Тутанхамона, одного из наследников Аменхотепа IV, трон занял жрец Хоренхеб, что явно свидетельствует о неисчезнувшей силе жречества. Но важно отметить, что Хоренхеб ввел назначение на жреческие должности, а также издал ряд указов с призывами к знати о прекращении грабежей крестьян (Нефедов, 2008б: 133). Этот факт свидетельствует о том, как нам представляется, что знати не хватало ресурсов для поддержания своего образа жизни. Это в том числе характерно и для новой знати, которая значительно увеличилась, а следовательно, обеднела (Там же: 138).

Агрессивная внешняя политика Древнего Египта Нового царства была направлена как на север — азиатские территории, так и на южные регионы — Эфиопию и Нубию. Однако если эфиопские территории были прямо подчинены Египту, то азиатские — опосредованно, через «вассалитет» (Головина, 2011: 123; Виноградов, 2002: 376). Такая широкая экспансия была вызвана как необходимостью обеспечения ресурсами новой служилой знати (Виноградов, 2002: 373), так и, что нам кажется в меньшей степени вероятным, потребностью в редких ресурсах и металлах¹¹ (Mann, 1987: 112). Таким образом, мы можем предполагать, что здесь одним из ключевых факторов внешней агрессии могла являться служилая знать, что очень подходит к эволюционной схеме, описанной Ибн Хальдуном.

В период еще достаточно крепкой центральной власти, почти за 100 лет до крушения, фараоновская власть вынуждена была тратить значительную часть доходов на храмы. К концу рассматриваемого периода по этой причине храмово-жреческие владения занимали треть всей обрабатываемой земли (Головина, 2011: 130).

Египет Нового царства, испытывая сильное геополитическое давление, все же смог отбиться от нескольких волн варварских вторжений (Головина, 2011: 129–130). Однако ситуацию усугубляло выделение новой служилой знати наследственных и почти необлагаемых налогами земель (Нефедов, 2008б: 134), что, естественно, в соответствии с концептом об угасании асабии не способствовало укреплению войска. Возможно, по этой причине, а также по причине уступки давлению победившего жречества рекрутская армия уступила наемной (Нефедов, 2008б: 137).

Таким образом, движущим фактором государственной дезинтеграции стало не геополитическое перенапряжение (ведь смогли же отбить вторжения народов моря), а внутреннее разложение элиты, когда прежний коллективный дух

11. Значимость именно этой причины выглядит меньшей потому, что Египет и до этого периода не имел достаточно ресурсов, однако не проводил столь масштабную и агрессивную внешнюю политику.

(асабия), укрепившийся в борьбе с захватчиками гиксосами, потерял свою силу. Кроме того, наблюдалось перепроизводство элит, что неизбежно приводило к переоценке эффективности существующей власти. Итогом этого процесса стал полный распад единой системы, появление двух центров власти, в результате чего государственность пала под напором интервентов с более сильным уровнем коллективной солидарности.

Итак, несмотря на двойственную динамику в истории отдельных государств, связанную с геополитикой и «деградацией» и перепроизводством элит, все же в некоторых государствах превалирует либо один фактор, либо другой. Так, например, помимо рассмотренных случаев, на наш взгляд, динамика империи Ахеменидов, Делийского султаната, Турции (до конца XIX в.) лучше описывается концептом асабии Ибн Хальдуна, а, например, для объяснения динамики империи Сасанидов, Селевкидов, Австро-Венгрии, Югославии больше подходит геополитическая трактовка.

Чем обусловлено расхождение в динамике? На наш взгляд, ключевую роль в этом процессе играет положение элит относительно аппарата управления, а именно — является ли элита частью государства или же посредником между основной массой населения и центральным аппаратом. Соотношение определяется через подчиненность средств материального производства либо государству, которое обеспечивает доступ к ним элите, например, при азиатском способе производства, либо же элита пользуется ими без оглядки на вышестоящие управленческие институты, как это происходит при феодализме или вассалитете (Вебер, 1990: 649). При подчиненности элиты государству, на наш взгляд, больше будет сказываться геополитическое перенапряжение как причина нехватки ресурсов, во втором же случае элиты, не имея жесткого контроля над собой, будут стремиться к накоплению ресурсов и увеличению своей численности, что больше соответствует динамике, описанной Ибн Хальдуном.

Но при анализе такой системы возникают трудности — например, в мусульманском мире воинам выдавали в держание земельные наделы (икты), которые формально оставались частью государственных владений, однако фактически становились наследственными. Вообще, это особая тема так называемого «азиатского способа производства» по К. Марксу, которая в современной литературе с некоторыми изменениями стала называться либо «политарным способом производства» (Семенов, 2014), либо «феноменом власти-собственности» (Васильев, 1982). Данный способ производства характеризуется множеством признаков, главный из которых — получение средств (владений) только за счет государственной службы¹². Особенность такой системы заключается в том, что она часто перерастает в вассальные отношения. Насколько это актуально для современной ситуации? Как, например, трактовать неопатримониальные режимы в этом контексте? Неопатримониализм характеризуется патрон-клиентскими отношениями, а го-

12. Более подробно о мировой историографии «азиатского способа производства» см.: McFarlane et al., 2005.

сударственные должности воспринимаются в качестве источника личного обогащения (Фисун, 2007: 14–15). На наш взгляд, это и есть трансформация режима в вассальный тип, когда формальное признание верховенства государства находится в оппозиции к реальной практике. Данную ситуацию мы сейчас наблюдаем в Украине, когда чиновничье-бюрократический аппарат использует свои полномочия для личного обогащения и создает патронажные сети. Современная Россия имеет схожие тенденции, но уже в значительно меньшем масштабе, чем, скажем, в 1990-е. Самое сложное — это найти способ подчинения политической элиты, когда ее доходы будут связаны со службой государству, а не когда властные позиции будут рассматриваться как личные владения.

Как было упомянуто ранее, государство, создавая режим с полным подчинением средств производства (как это было, например, в СССР и странах Варшавского договора) с целью контроля элит рискует в силу многих обстоятельств потерять реальный контроль над ней. Так, например, в странах Советского блока элита после ослабления контроля захотела приватизировать собственность, тем самым обособив экономику от политики (Шестаков, 2010: 26; Lachmann, 1997: 76–77). Желание получения частной собственности элитой превратилось в одну из линий, вдоль которой позже прошел элитный раскол.

Данная тема заслуживает более подробного изучения, с разработкой классификации режимов по доминирующим формам собственности, определением уровня стабильности и многого другого. Учитывая, как много уже сделано на этом пути (см., напр.: Geddes et al., 2014; Goldstone et al., 2010 и др.), когда собраны колоссальные базы данных с политическими характеристиками режимов, в том числе и по типу политических отношений с целью прогнозирования их будущего развития задача выглядит очень перспективной и осуществимой.

Не менее значим вопрос о причинах различного положения элиты относительно государства. Этот вопрос также требует отдельной проработки, но некоторые предварительные положения, исходя из исторического материала, можно отметить уже сейчас.

Факторов, вызывающих различное положение элит, конечно много, среди них может быть как административная неразвитость государства (например, в китайском Чжоу), так и формы вооружения элиты. Что касается бюрократической неразвитости государства, то некоторые исследователи видят именно в этом причину возникновения феодализма и вассальных отношений (Васильев, 2007: 151).

Что касается военно-технологического детерминизма, то в западной и отечественной науке взаимосвязь между строем, политической динамикой и типами вооружения рассмотрена уже достаточно подробно (см., напр.: Дьяконов, 2007; Мак-Нил, 2008, 2013; Нефедов, 2008б). Например, появление колесниц на Ближнем Востоке обусловило выдвигание колесничей знати ввиду дороговизны снаряжения и практически по всей Афроевразии возникли рыхлые политические образования. Но, однако, корреляция не такая жесткая — в ранее рассмотренном случае Египта Нового царства власть нашла способ подчинить себе колесничью элиту. С

появлением металла возникли относительно крупные армии и государства, и эти государства в большинстве своем смогли захватить монополию на производство металлического вооружения, итог — возникновение крупных империй. Такие новые крупные образования требовали создания новых религиозных учений, способных объединить разрозненные народности. Именно этим некоторые ученые объясняют причину «Осевого времени» (Берзин, 2009), когда на огромном пространстве Афроевразии возникли универсальные, прозелетические религии.

Появление стремени в Западной Европе привело к феодализму, так как основной силой вновь стала элита (всадники), однако и это не есть универсальная закономерность. В Китае, например, государство, имея давние управленческие традиции, смогло сделать политическую роль всадников, бывших в Западной Европе посредниками между властью и населением, незначительной и тем самым остаться централизованным (Dien, 1986). Появление огнестрельного оружия вновь ослабило элиты и сделало массовые армии подконтрольными государству.

В XX веке также можно обнаружить ранее описанный детерминизм. Так, в СССР в сталинский период одним из важнейших действий стала коллективизация, необходимость которой исходила из реальной или мнимой угрозы войны¹³. Однако после появления атомного оружия, водородной бомбы в частности, система не могла строиться, как прежде, на угрозе нападения — она хоть и не исчезла, но стала гораздо слабее, а значит, элиту стало сложнее удерживать в покорном подчинении (Зубок, 1994). Можно предположить, что появление атомного оружия в КНДР рано или поздно поставит под вопрос «дискурс борьбы и угрозы» и произойдет неизбежное ослабление режима. Конечно, вряд ли можно ожидать падения режима вообще, однако прежнюю «суровость» уже трудно будет совмещать с заявлениями о возможности дать мощный отпор врагу.

Подводя итог, можно очертить следующие механизмы крушения государств. Последняя возможность сохранения государства теряется при полной делегитимации власти и режима, которая особенно часто наступает при авторитаризме в результате конфликта элит (социальный уровень). Конечно, делегитимация не наступает только от конфликта элит, однако она и невозможна при монолитности режима, так как при единстве элит трудно будет дать возможность «политической культуре восстания и оппозиции» (Fogan, 1997) реализовать себя.

Таким образом, конфликт элит является необходимым компонентом при распаде государства, другой вопрос, достаточно ли его.

Конфликт элит, вызываемый нехваткой различных ресурсов, как материальных, так и символических, имеет два различных источника. Первый — геополитическое перенапряжение, когда государство тратит значительную часть ресурсов на охрану своих границ и завоевание новых территорий. Второй — перепроизводство и «деградация» элит, когда элитных позиций недостаточно и/или когда элита

---

13. Такой трактовки придерживается, например, Ноув, 1989.

стремится увеличить владение ресурсами, которыми государство не располагает в достаточной мере.

Различные причины, на наш взгляд, будут вызваны различным положением элиты относительно государства: либо элиты подчинены государству, либо независимы от него.

Предварительный ответ на вопрос о причинах различных позиций элиты предполагает, что это может быть связано с типом вооружения и уровнем бюрократической развитости государства.

Итак, механизмы крушения государственности можно разложить на четыре уровня: на идеологическом уровне происходит делегитимация власти, которая на социальном вызвана конфликтом элит. Конфликт элит вызван ее перепроизводством и «стремлением к роскоши» (Ибн Хальдун) — это уровень отдельных личностей, а причины конфликта элит лежат на институциональном уровне, в соответствии с которым и определяется положение элит относительно управленческого аппарата.

Следующим шагом должно стать формулирование более точных моделей, построенных на эмпирическом материале с целью прогнозирования развития той или иной общности. Именно это позволит макросоциологии стать точной, востребованной высшим административным аппаратом, наукой, позволяющей убедительно говорить о существовании законов развития крупных социальных систем и их крушении.

Литература

- Берзин Э. О.* (2009). Вслед за железной революцией // Историческая психология и социология истории. № 2. С. 184–194.
- Бондаренко Д. М.* (2002). Бенин (I тыс. до н.э. — XIX в. н.э.) // *Бондаренко Д. М., Коротаев А. В.* (ред.). Цивилизационные модели политогенеза. М.: РАН. С. 89–129.
- Бондаренко Д. М.* (2005). Доколониальный Бенин при династии Оба: траектория сакрализации верховной власти // *Бондаренко Д. М.* (ред.). Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. I. М.: ЦЦРИ РАН. С. 197–216.
- Бочаров В. В.* (ред.) Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии. Т. 2: Политическая культура и политические процессы. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Васильев Л. С.* (1982). Феномен власти-собственности: к проблеме типологии докапиталистических структур // *Алаев Л. Б.* (ред.). Типы общественных отношений на Востоке в Средние века. М.: Наука. С. 60–99.
- Вебер М.* (1990). Политика как призвание и профессия / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 644–706.
- Виноградов И. В.* (2002). Новое царство в Египте и поздний Египет // *Якобсон В. А.* (ред.). История Востока. Т. 1: Восток в древности. М.: Восточная литература. С. 370–388.

- Голдстоун Д. (2006). К теории революции четвертого поколения / Пер. с англ. Н. Эдельмана // Логос. № 5. С. 58–103.
- Головина В. А. (2011). Древний Египет (IV–II тысячелетия до н.э.) // Головина В. А., Уколова В. И. (ред.). Всемирная история. Т. 1: Древний мир. М.: Наука. С. 99–132.
- Гринин Л. Е., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Коротаев А. В. (ред.). (2006). Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель.
- Дажан Б. (2009). Кхмеры / Пер. с франц. В. Степанова. М.: Вече.
- Даймонд Дж. (2008). Коллапс: почему одни общества выживают, а другие умирают / Пер. с англ. О. Жаден, А. Михайловой, И. Николаева. М.: АСТ.
- Даниелс Р. В. (2011). Взлет и падение коммунизма в России / Пер. с англ. И. Кожановской. М.: РОССПЭН.
- Дерлугьян Г. (2010). Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Территория будущего.
- Доган М. (1994). Легитимность режимов и кризис доверия / Пер. с франц. Т. Н. Шумиловой // Социологические исследования. № 6. С. 147–155.
- Дьяконов И. М. (2007). Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М.: КомКнига.
- Евангелиста М. (2002). Геополитика и будущее Российской Федерации / Пер. с англ. Б. В. Межуева // Политические исследования. № 2. С. 82–99.
- Зубок В. М. (1994). Источники делегитимизации советского режима // Политические исследования. № 2. С. 88–98.
- Ибн Халдун. (2008). Введение (ал-Мукаддима) / Пер. с араб. А. В. Смирнова // Историко-философский ежегодник 2007. М.: Наука. С. 187–217.
- Карамзин М. Н. (1991). Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука.
- Козлов В. А. (2009). Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). М.: РОССПЭН.
- Коллинз Р. (2000). Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // Розов Н. С. (ред.). Время мира: Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск: Сибирский хронограф. С. 234–278.
- Коротаев А. В. (1993). Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейского культурно-политического ареала (Южная Аравия: X в. до н.э. — IV в. н.э.) // Попов В. А. (ред.) Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: памяти Л. Е. Кубея. М.: Наука. С. 295–320.
- Коротаев А. В. (2002). Северо-Восточный Йемен (I–II тыс. н.э.) // Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. (ред.). Цивилизационные модели политогенеза. М.: Институт Африки РАН. С. 196–223.
- Коротаев А. В. (2006). Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции. М.: Восточная литература.
- Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. (ред.). (2000). Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос.

- Ладынин И. А.* (2005). Сакрализация царской власти в Древнем Египте в конце IV — начале II тыс. до н. э. // *Бондаренко Д. М., Андреева Л. А., Коратаев А. В.* (ред.). Сакрализация власти в истории цивилизаций. М.: Институт Африки РАН. С. 55–81.
- Лахман Р.* (2015). Что такое историческая социология? / Пер. с англ. Н. В. Дондуковского под ред. А. А. Смирнова. М.: Дело.
- Лозинский С. Г.* (1986). История папства. М.: Политиздат.
- Мак-Нил У.* (2008). В погоне за мощью: технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках / Пер. с англ. Т. Ованнисяна под ред. С. А. Нефедова. М.: Территория будущего.
- Мак-Нил У.* (2013). Восхождение Запада: история человеческого сообщества / Пер. с англ. А. Галушка, Е. Т. Маричева, Г. Э. Мирама. К.: Ника-центр.
- Нефедов С. А.* (2008а). Теория культурных кругов (на основе анализа монгольских завоеваний) // *История и современность.* № 1. С. 189–225.
- Нефедов С. А.* (2008б). Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Территория будущего.
- Ноув А.* (1989). О судьбах нэпа // *Вопросы истории.* № 8. С. 172–176.
- Пихоя Р. Г.* (2000). Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Прусаков Д. Б.* (2000). Синергетические аспекты исторического процесса // *Розов Н. С.* (ред.). *Время мира: Альманах.* Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск: Сибирский хронограф. С. 288–291.
- Ребрекова Н. В.* (2002). Камбуджадеша (Ангкор) в VIII–XIII вв. // *Алаев Л. Б., Ашрафян К. З.* (ред.). *История Востока.* Т. 2: Восток в Средние века. М.: Восточная литература. С. 208–215.
- Розов Н. С.* (2006). Закон Ибн Халдуна: к чему может привести рост коррупции и силового принуждения в России // *Политический класс.* № 16. С. 74–84.
- Розов Н. С.* (2009). Историческая макросоциология: становление, основные направления исследований и типы моделей // *Общественные науки и современность.* № 2. С. 151–161.
- Розов Н. С.* (2014). Принципы и критерии легитимности постреволюционной власти // *Политические исследования.* № 5. С. 90–107.
- Семенов Ю. И.* (2014). Политарный («азиатский») способ производства: теория и практика // *Семенов Ю. И.* *Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России.* М.: URSS. С. 271–375.
- Турчин П. В.* (2010). Историческая динамика: на пути к теоретической истории. М.: URSS.
- Тюрин В. А.* (1982). Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии // *Алаев Л. Б.* (ред.). *Типы общественных отношений на Востоке в Средние века.* М.: Наука. С. 187–226.
- Фисун А.* (2007). Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // *Отечественные записки.* Т. 39. № 6. С. 8–28.

- Харитоновна О. Г. (2012). Недемократические политические режимы // Политическая наука. № 3. С. 9–31.
- Цирель С. В. (2008) Концепт «асабийи» как основа связи экономико-демографической и гуманитарной истории: *pro et contra* // Коротаев А. В., Малинецкий Г. Г. (ред.). Проблемы математической истории: историческая реконструкция, прогнозирование, методология. М.: URSS. С. 112–125.
- Шестаков В. А. (2010). Советский Союз к 1984 году // Безбородов А. Б., Елисеева Н. В., Шестаков В. А. Перестройка и крах СССР: 1985–1993. СПб.: Норма. С. 5–55.
- Anderson E. N., Chase-Dunn Ch. (2005). The Rise and Fall of Great Powers // Chase-Dunn Ch., Anderson E. N. (ed.). The Historical Evolution of World-Systems. New York: Palgrave MacMillan. P. 1–19.
- Dien A. E. (1986). The Stirrup and Its Effect on Chinese Military History // *Ars Orientalis*. Vol. 16. P. 33–56.
- Foran J. (1997). Discourses and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions // Foran J. (ed.). Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches. London: Routledge. P. 197–220.
- Geddes B., Wright J., Frantz E. (2014). Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set // *Perspectives on Politics*. Vol. 12. № 2. P. 313–331.
- Goldstone J. (1991). Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: University of California Press.
- Goldstone J. A., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustik M., Marshall M., Ulfelder J., Woodward M. A. (2010). Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*. Vol. 54. № 1. P. 190–208.
- Kennedy P. (1987). The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York: Random House.
- Lachmann R. (1997). Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin // Foran J. (ed.). Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches. London: Routledge. P. 71–98.
- Mann M. (1987). The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760. New York: Cambridge University Press.
- McFarlane B., Cooper S., Jaksic M. (2005). The Asiatic Mode of Production — A New Phoenix (Part 1) // *Journal of Contemporary Asia*. Vol. 35. № 3. P. 283–318.
- Moreno García J. C. (2015). Climatic Change or Sociopolitical Transformation? Reassessing Late 3rd Millennium BC in Egypt // *Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Hall*. Band 13. P. 79–98.
- Parker G. (2013). Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century. New Haven: Yale University Press.
- Schwartz G. M. (2006). From Collapse to Regeneration // Schwartz G. M., Nichols J. J. (ed.). After Collapse: The Regeneration of Societies. Tucson: University of Arizona Press. P. 3–17.

- Sedov L.* (1978). *Angkor: Society and State* // *Claessen H. J. M., Skalnik P.* (eds.). *The Early State*. The Hague: Mouton. P. 111–130.
- Skocpol T.* (1979). *States and Social Revolutions*. New York: Cambridge University Press.
- Smith D.* (1991). *The Rise of Historical Sociology*. Philadelphia: Temple University Press.
- Stark M.* (2006). *From Funan to Angkor: Collapse and Regeneration in Ancient Cambodia* // *Schwartz G. M., Nichols J. J.* (ed.). *After Collapse: The Regeneration of Societies*. Tucson: University of Arizona Press. P. 144–167.
- Tainter J.* (1988). *The Collapse of Complex Societies*. New York: Cambridge University Press.
- Turchin P., Adams J., Hall T.* (2006). *East-West Orientation of Historical Empires* // *Journal of World-Systems Research*. Vol. 12. № 2. P. 219–229.

The Mechanisms of State Collapse (a Macro-Sociological Approach)

Dmitry Shevskiy

Master of Philosophical Studies, Far Eastern Federal University
 Address: Suhanova str., 8, Vladivostok, Russian Federation 690950
 E-mail: shevskiyd@mail.ru

The author makes use of the macro-sociological approach to describe state-collapse regularities. It is argued that the final point of a state's collapse is the total delegitimization of power, and that elites' conflict is a necessary condition for such a collapse as well as for successful mass rebellions. The elites' conflict results from the lack of both material and symbolic resources caused by different reasons. The first reason is a geopolitical overextension, and the second was defined as elite "degradation" and elite overproduction. The author analyses some historical examples (the New Kingdom of Egypt and the Khmer Empire) to reveal how these patterns took shape in such cases. The grounds for various dynamics are caused by different elite positions relative to the government, that is, whether the elite is dependent on, or independent from, the government. This is linked to the type of economic relations, that is, the question of who owns the material means of production. If the state is not able to control them, it can not influence the elite. According to the author, the theory of military-technological determinism which states that types of weapon and the logic of state development are correlated can shed some light on the reasons of different elite positions.

Keywords: historical macro-sociology, delegitimization of power, state collapse, geopolitical over-extension, elites' conflicts, geopolitical theories, elite theory

References

- Berzin E. (2009) Vsled za zheleznoy revolyutsiei [Following the Iron Revolution]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, no 2, pp. 184–194.
- Bocharov V. (ed.) (2007) *Antropologiya vlasti: Khrestomatiya po politicheskoy antropologii*. T. 2: *Politicheskaya kul'tura i politicheskie protsessy* [Anthropology of Power: Reader in Political Anthropology, Vol. 2: Political Culture and Political Processes], Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press.

- Bondarenko D. (2002) Benin (I tys. do n.e. — XIX v. n.e.) [Benin (1st millennium BC — 19th century AD)]. *Tsivilizatsionnye modeli politogeneza* [Civilizational Models of Politogenesis] (eds. D. Bondarenko, A. Korotayev), Moscow: Institute for African Studies Press, pp. 89–129.
- Bondarenko D. (2005) Dokolonial'nyy Benin pri dinastii oba: traektoriya sakralizatsii verkhovnoy vlasti [Precolonial Benin under the Oba Dynasty: Trajectory of Supreme Power's Sacralization]. *Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsiy. Ch. I* [Sacralization of Power in the History of Civilizations, Part 1] (ed. D. Bondarenko), Moscow: Russian Academy of Sciences Press, pp. 197–216.
- Collins R. (2000) Predskazanie v makrosotsiologii: sluchay Sovetskogo kollapsa [Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse]. *Vremya mira. Vyp.1: Istoricheskaya makrosotsiologiya v XX veke* [The Time of the World, Vol. 1: The Historical Macrosociology on 20th Century] (ed. N. Rozov), Novosibirsk: Sibirsky khronograf, pp. 234–278.
- Dagens B. (2009) *Khmersy* [Khmer People], Moscow: Veche.
- Daniels R. V. (2011) *Vzlet i padenie kommunizma v Rossii* [The Rise and Fall of Communism in Russia], Moscow: ROSSPEN.
- Derluguian G. (2010) *Adept Burd'e na Kavkaze: eskizy k biografii v mirosistemnoy perspektive* [Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography], Moscow: Territoriya budushchego.
- Diamond J. (2008) *Kollaps: pochemu odni obshchestva vyzhivajut, a drugie umirajut* [Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed], Moscow: AST.
- Dogan M. (1994) Legitimnost' rezhimov i krizis doveria [The Legitimacy of the Regimes and the Crisis of Confidence]. *Sociological Studies*, no 6, pp. 112–119.
- Dyakonov I. (2007) *Puti istorii: ot drevneyshogo cheloveka do nashikh dnei* [The Paths of History: From the Ancient Man to Our Days], Moscow: komKniga.
- Evangelista M. (2002) Geopolitika i budushchee Rossiyskoy Federatsii [Geopolitics and the Future of the Russian Federation]. *Political Studies*, no 2, pp. 82–99.
- Fisun A. (2007) Postsovetskie neopatrimonial'nye rezhimy: genesis, osobennosti, tipologija [Postsoviet Neopatrimonial Regimes: The Genesis, Features, Typology]. *Otechestvennye zapiski*, vol. 39, no 6, pp. 8–28.
- Foran J. (1997) Discourses and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions. *Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches* (ed. J. Foran), London: Routledge, pp. 197–220.
- Goldstone J. (1991) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*, Berkeley: University of California Press.
- Goldstone J. (2006) K teorii revoljucii chetvertogo pokolenija [Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory]. *Logos*, no 5, pp. 58–103.
- Golovina V. (2011) Drevnij Egipet (IV — II tysjacheletija do n.je.) [Ancient Egypt (4th — 2nd Millennium BC)]. *Vsemirnaja istorija. T. 1: Drevnij mir* [World History, Vol. 6: Ancient World] (eds. V. Golovina, V. Ukolova), Moscow: Nauka, pp. 99–132.
- Grinin L., Bondarenko D., Kradin N., Korotaev A. (eds.) (2006) *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [The Early State, Its Alternatives and Analogues], Volgograd: Uchitel.
- Ibn Khaldun (2008) Vvedenie (al-Mukaddima) [Introduction (al-Mukaddima)]. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik 2007* [History of the Philosophy Yearbook 2007], Moscow: Nauka, pp. 187–217.
- Kharitonova O. (2012) Nedemokraticheskie politicheskie rezhimy [Non-democratic Political Regimes]. *Politicheskaja nauka*, no 3, pp. 9–31.
- Karamzin M. (1991) *Zapiska o drevney i novoy Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh* [A Note about Ancient and New Russia in Its Political and Civil Relations], Moscow: Nauka.
- Korotaev A. (1993) Nekotorye obshchie tendentsii i faktory evolyutsii sabeyskogo kul'turno-politicheskogo areala (Yuzhnaya Araviya: X v. do n.e. — IV v. n.e.) [Some General Trends and Factors of Evolution of the Sabaean Cultural-Political Area (Southern Arabia: The 10th century BC — 4th century AD)]. *Rannie formy sotsial'noy stratifikatsii: genesis, istoricheskaya dinamika, potestarno-politicheskie funktsii: pamyati L. E. Kubbelya* [Early Forms of Social Stratification: Genesis, Historical Dynamics, Potestary Political Functions: In Memory of L. E. Kubbel] (ed. V. Popov), Moscow: Nauka, pp. 295–320.

- Korotaev A. (2002) Severo-Vostochnyy Yemen (I–II tys. n.e.) [North-East Yemen (1st — 2nd Millennium BC)]. *Tsivilizatsionnye modeli politogeneza* [Civilizational Models of Politogenesis] (eds. D. Bondarenko, A. Korotaev), Moscow: Institute for African Studies Press, pp. 196–223.
- Korotaev A. (2006) *Dolgosrochnaya politiko-demograficheskaya dinamika Egipta: tsikly i tendentsii* [Long-Term Political-Demographic Dynamics of Egypt: Cycles and Trends], Moscow: Vostochnaya literatura.
- Kozlov V. (2009) *Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve* [Mass Disturbances in the USSR under Khrushchev and Brezhnev], Moscow: ROSSPEN.
- Kradin N., Korotayev A., Bondarenko D., Lynsha V. (eds.) (2000) *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative Pathways to Civilization], Moscow: Logos.
- Lachmann R. (2015) *Chto takoe istoricheskaja sociologiya?* [What Is Historical Sociology?], Moscow: Delo.
- Ladynin I. (2005) Sakralizatsiya carskoj vlasti v drevnem Egipte v konce IV — nachale II tys. do n.e. [Sacralization of Royal Power in Ancient Egypt at the End of 4th — Beginning of 2nd Millennium BC]. *Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsiy. Ch. I* [Sacralization of Power in the History of Civilizations, Part 1] (ed. D. Bondarenko), Moscow: Russian Academy of Sciences Press, pp. 55–81.
- Lozinsky S. (1986) *Istoriya papstva* [History of Papacy], Moscow: Politizdat.
- McFarlane B., Cooper S., Jaksic M. (2005) The Asiatic Mode of Production — A New Phoenix (Part 1). *Journal of Contemporary Asia*, vol. 35, no 3, pp. 283–318.
- McNeill W. (2008) *V pogone za moshch'yu: tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshchestvo v XI—XX vekakh* [The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A.D. 1000]. Moscow: Territoriya budushchego.
- McNeill W. (2013) *Voskhozhdenie Zapada: istoriya chelovecheskogo soobshchestva* [The Rise of the West: A History of the Human Community], Kiev: Nika-Center.
- Moreno García J.C. (2015) Climatic Change or Sociopolitical Transformation? Reassessing Late 3rd Millennium BC in Egypt. *Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Hall*, Band 13, pp. 79–98.
- Nefedov S. (2008) Teoriya kul'turnykh krugov (na osnove analiza mongol'skikh zavoevaniy) [The Theory of Cultural Circles (on the Basis of the Analysis of Mongol Conquests)]. *Istoriya i sovremennost*, no 1, pp. 189–225.
- Nefedov S. (2008) *Faktornyy analiz istoricheskogo protsessa. Istoriya Vostoka* [Factor Analysis of Historical Process. The History of the East], Moscow: Territoriya budushchego.
- Nouv A. (1989) O sud'bakh nepa [About the Fate of the NEP]. *Voprosy istorii*, no 8, pp. 172–176.
- Parker G. (2013) *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century*. New Haven: Yale University Press.
- Pikhoya R. (2000) *Sovetskiy Soyuz: istoriya vlasti. 1945–1991* [The Soviet Union: History of Power. 1945–1991], Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
- Prusakov D. (2000) Sinergicheskie aspekty istoricheskogo protsessa [Synergetic Aspects of the Historical Process]. *Vremya mira. Vyp.1: Istoriicheskaya makrosotsiologiya v XX veke* [The Time of the World, Vol. 1: The Historical Macrosociology on 20th Century] (ed. N. Rozov), Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, pp. 288–291.
- Rebrekova N. (2002) Kambudzhadesha (Angkor) v VIII–XIII vv. [Kambujadesa (Angkor) in 8th — 13th Centuries]. *Istoriya Vostoka. T. 2: Vostok v srednie veka* [The History of the East, Vol. 2: The East in Middle Ages] (eds. L. Alaev, K. Ashrafyan), Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 208–215.
- Rozov N. (2006) Zakon Ibn Khalduna: k chemu mozhet privesti rost korruptsii i silovogo prinuzhdeniya v Rossii [The Law of Ibn Khaldun: What Can the Growth of Corruption and Coercion in Russia Cause]. *Politicheskyy klass*, no 16, pp. 74–84.
- Rozov N. (2009) *Istoricheskaya makrosotsiologiya: stanovlenie, osnovnyye napravleniya issledovaniy i tipy modeley* [The Historical Macrosociology: Formation, Fundamental Areas of Research and Types of Models]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*, no 2, pp. 151–161.
- Rozov N. (2014) Printsipy i kriterii legitimnosti postrevolyutsionnoy vlasti [The Principles and Criteria of Legitimacy of the Postrevolutionary Government]. *Political Studies*, no 5, pp. 90–107.
- Semenov Y. (2014) Politarnyy (“aziatskiy”) sposob proizvodstva: teoriya i praktika [Politary (“Asiatic”) Mode of Production: Theory and Practice]. *Politarnyy (“aziatskiy”) sposob proizvodstva:*

- sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii* [Politarnyy ("Asiatic") Mode of Production: Essence and Place in the History of Humankind and Russia], Moscow: URSS, pp. 271–375.
- Shestakov V. (2010) Sovetskij Soyuz k 1984 godu [The Soviet Union by 1984]. *Perestrojka i kraj SSSR: 1985–1993* [Perestroika and the Collapse of the USSR: 1985–1993], Saint Petersburg: Norma, pp. 5–55.
- Turin V. (1982) Tipy social'no-politicheskoy struktury srednevekovykh obshhestv Jugo-Vostochnoj Azii [Types of Sociopolitical Structure of the Medieval Societies of South-East Asia]. *Tipy obshchestvennykh otnoshenij na Vostoke v srednie veka* [Types of Social Relations in the East in the Middle Ages] (ed. L. Alaev), Moscow: Nauka, pp. 187–226.
- Tsirel S. (2008) Kontsept "asabiyyi" kak osnova svyazi ekonomiko-demograficheskoy i gumanitarnoy istorii: pro et contra [The Concept of "Asabiyya" as the Basis of the Relationship of Economic-Demographic and Humanitarian History: Pro et Contra]. *Problemy matematicheskoy istorii: istoricheskaya rekonstruktsiya, prognozirovanie, metodologiya* [Problems of Mathematical History: Historical Reconstruction, Forecasting, Methodology] (eds. A. Korotaev, G. Malinetsky), Moscow: URSS, pp. 112–125.
- Turchin P. (2010) *Istoricheskaya dinamika: na puti k teoreticheskoy istorii* [Historical Dynamics: Towards a Theoretical History], Moscow: URSS.
- Vasiliev L. (1982) Fenomen vlasti-sobstvennosti: k probleme tipologii dokapitalisticheskikh struktur [Phenomenon of Power-Property: On the Problem of the Typology of Pre-capitalist Structures]. *Tipy obshchestvennykh otnosheniy na Vostoke v srednie veka* [Types of Social Relations in the East in the Middle Ages] (ed. L. Alaev), Moscow: Nauka, pp. 60–99.
- Vinogradov I. (2002) Novoe carstvo v Egipte i pozdnij Egipet [New Kingdom in Egypt and the Late Egypt]. *Istorija Vostoka. T. 1: Vostok v drevnosti* [The History of the East, Vol. 1: The East in Ancient Times] (ed. V. Jacobson), Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 370–388.
- Weber M. (1990) Politika kak prizvanie i professiya [Politics as a Vocation]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow: Progress, pp. 644–706.
- Zubok V. (1994) Istochniki delegitimizatsii sovetskogo rezhima [Sources of Delegitimization of the Soviet Regime]. *Political Studies*, no 2, pp. 88–98.